

УДК 94(57) + 332.135 + 316.422

И. В. Побережников**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ФРОНТИР, МОДЕРНИЗАЦИЯ***

На материале азиатской России XVIII — начала XX в. разрабатывается концепция фронтирной модернизации, которая представляет особый случай развития, осуществляемого в условиях незавершенного освоения. Анализируются такие атрибуты фронтирной модернизации, как продолжительная незавершенность колониционных процессов, экстенсивный характер экономики, региональные контрасты и диспропорции, повышенная милитаризация, роль транспортного фактора и конгломератный региональный ландшафт.

Ключевые слова: Азиатская Россия; модернизация; рационализация; фронтир; колонизация; интеграция; милитаризация; региональные контрасты.

Применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, обилие полезных ископаемых имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов в частности. В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически сформировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация, индустриализация, урбанизация и т. д.), но и места его протекания. Особенности условия для модернизации возникали в странах фронтира, которые продолжали осваиваться в эпоху модернизации. К числу таких стран можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. В монографии «Динамика модернизации» известный американский социолог и историк С. Блэк выделил в особый тип модернизации «филиалы» Великобритании и Франции в Новом свете (имелись в виду такие страны, как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) [см.: Black, p. 110–114]. Исследо-

* Публикуется в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (разд. 3).

ватель обращал внимание на значение для развития стран данного типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, не сумели обеспечить себе удовлетворительные условия существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, отмечал Блэк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства. Автор указывал и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видел в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в других странах в силу сложившихся обстоятельств иммиграция отличалась более постепенным и гомогенным характером.

Концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тёрнером, стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронта, показав односторонность тёрнеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования национальных особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений ядра и границы, «запада» и «востока» [см.: Тёрнер; Саймонс; Кук; Кушнер; Шейд; Ефимов; Болховитинов].

Сибирь как восточный регион России (Азиатская Россия) ярко иллюстрирует особенности модернизации в условиях незавершенного освоения — так называемой фронтальной модернизации. Сибирь была присоединена к стране относительно поздно. При этом именно освоение этих обширных территорий в действительности способствовало переломной по своему значению трансформации русского государственного типа — превращению России в империю (данная точка зрения была высказана еще Г. В. Вернадским). Восточные регионы России имели огромное значение для страны в целом в экономическом, социокультурном и институционально-политическом отношении. В XVII в. от одной десятой до одной трети дохода казна получала за счет сибирской пушнины. В XVIII в. весомыми были поступления от таможенных сборов с оборотов русско-китайской торговли (Кяхта). В XVIII в. на Урале и в Сибири были созданы металлургические комплексы, дававшие значительную часть общероссийской добычи черных и цветных металлов, золота и серебра. В то же время необходимо учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от морских коммуникаций, что способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда [см.: Нольте, с. 593].

Восточные регионы продолжали осваиваться в эпоху модернизации. В XVIII — начале XX в., когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации, продолжался процесс присоединения и закрепления территорий Сибири на юге региона, а также на Дальнем Востоке. Согласно концепции М.В. Шиловского, первый этап геополитического «охвата» (конец XVI в. — 1689) завершился стабилизацией русской границы от Тихого океана до Западных Саян, укреплением присоединенной территории в основном в таежной зоне, созданием инфраструктуры военно-промышленных и торгово-административных поселений (острогов). На втором этапе (1689—1822), который характеризовался противостоянием с Джунгарским (Ойротским) ханством, была «охвачена» территория Южной Сибири и Казахстана, началось укрепление и хозяйственное освоение вновь присоединенных территорий, а также (отчасти) районов более раннего заселения, на Алтае был создан мощный горнометаллургический комплекс Кабинета его императорского величества. Результатом землепроходчества русских промысловиков становится появление Русской Америки, для управления которой в 1799 г. образуется Русско-американская компания. Новый виток территориальной экспансии на юге Западной Сибири и Дальнем Востоке на третьем этапе геополитического «охвата» (1822—1890-е) завершился присоединением Восточного Казахстана (Семиречье), укреплением за Россией левобережья Амура, а также Приморья и Сахалина, а в то же время продажей североамериканских владений Соединенным Штатам. Наконец, на четвертом (незавершенном) этапе геополитического «охвата», начавшемся с 1896 г., имели место попытки экспансии в Маньчжурии (КВЖД), началось массовое крестьянское переселение в Сибирь [см.: Шиловский, с. 648—653].

Таким образом, восточные регионы длительное время сохраняли освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колониционных процессов (заселение; аграрное, промышленное освоение), экстенсивном характере аграрной экономики, региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий. Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики. При этом освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности странами Нового Света [см.: Агеев; Супоницкая, 2007, с. 134—143; 2010; Побережников, 2006, с. 34—49].

Хорошо известны сопоставления освоения восточных регионов России, в первую очередь Сибири, и западных территорий США (так называемого североамериканского фронта) [см., например: Фронтир в истории Сибири и Северной Америки, 2001; 2002; 2003; Резун; Резун, Шиловский; Агеев; Зеленева, с. 79—91; Алексеева, с. 204—318; Супоницкая, 2010]. Прозвучали в литературе и мысли о сходстве в развитии России и Канады. В частности, подобные наблюдения высказал известный специалист по проблемам Канады А. Черкасов

в предисловии к замечательной книге американского писателя-натуралиста Г. Бестона «Река Святого Лаврентия»:

Может быть, это что-то очень личное, но мне кажется, что терпимость к людям иной расы и иной культуры, сближение с коренным населением осваиваемых северных территорий — одна из общих черт франкоканадцев и русских. Эти черты, похоже, возникли вследствие сходства природно-климатических условий жизни и отчасти — особенностей исторического развития стран, по крайней мере в XIX веке: с одной стороны, длительное сохранение пережитков феодализма, безысходная нужда и насаждаемое сверху господство церкви, с другой — неукротимое стремление народа к свободе, находившее свой выход и в бегстве вольницы в таежные дебри Севера. Землепроходцы обоих народов сравнительно легко находили общий язык с таежными жителями, смешивались с ними, перенимали их обычаи и опыт и обогащали их своими знаниями.

Г. Бестон отмечает скромность быта франкоканадского сельского жилища — «ничего лишнего». Но ведь такова и традиция русской избы. Те же зимние празднества с катанием на санях... У франкоканадцев такие же, как и у русских, протяжные, грустные народные песни, а есть и искрометные плясовые; мелодия припева одной очень популярной песни гребцов, возвращающихся домой, до удивления напоминает нашу «Светит месяц». Народные игрушки-самоделки — ни дать ни взять деревянные и глиняные лошадки наших умельцев. А самое популярное у франкоканадцев национальное блюдо — блины. Правда, с кленовым сиропом... [Черкасов, с. 20; см. об этом также: Побережников, 2009, с. 25–30].

Показателен также тот интерес к Канаде, который сформировался в России еще в XVIII в. и сохранялся на протяжении всего последующего столетия: идеализированный портрет Канады (первый русский историк Канады П. Г. Мижуев образно охарактеризовал страну как «крестьянское царство»), противопоставляемой США, представлялся многим позитивной моделью общественного развития и модернизации, которой должна последовать и Россия. На рубеже XIX–XX вв. российских экспертов и ученых привлекал канадский опыт освоения в аграрных целях огромных пространств, а также строительства трансконтинентальной железной дороги [см.: Коленеко, 2002, с. 266–294; 2007, с. 274–292; Филимонова, с. 312–313]. Параллели в развитии России и Канады бросались в глаза не только российским наблюдателям: «Россией Нового Света» охарактеризовал Канаду британский государственный деятель Б. Дизраэли.

Существенную роль в процессах модернизации играл административно-управленческий фактор. Значимое организующее воздействие оказывал он и на формирование модели российской модернизации. Важной составляющей системы местного управления является административно-политический механизм взаимоотношений центра и регионов.

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны. В целом, административно-политический фактор играл значимую, опережающую по сравнению с другими факторами, порой решающую (особенно в условиях присоединения новых территорий и их первоначального освоения) роль в освоении восточных регионов России, что подтверждает тезис о ведущей роли государства

в процессе собирания и устройства земель, создания основных отраслей отечественной экономики. С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, в том числе местного. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России практически до начала XX в. несли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток и юг [см.: Ремнев, 2004].

Специфика вновь присоединяемых обширных пространств на Востоке страны обусловила учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией (первоначально, в 1580—1590-е гг., Сибирь была подчинена Посольскому приказу, затем перешла в ведомство приказа Казанского дворца, наконец, с 1637 г., была подчинена Сибирскому приказу) [см.: Вершинин; Копылов, с. 80—88; Власть в Сибири, с. 8—16, 121—124, 131—134].

Центральные учреждения местного управления вводились для отдельных окраин России и в более поздний период («местные органы верховного управления» — по определению известного историка государственного права В. В. Ивановского) существования министерской системы. Их значение, по мнению В. В. Ивановского, состояло в том, что «носитель верховной власти подчиняет управление в таких местностях своему непосредственному регулированию» [Ивановский, с. 7]. В условиях министерской системы, межведомственной разобщенности территориальные комитеты в определенной степени повышали скоординированность действий ведомств и эффективность региональной политики центрального правительства. К числу подобных учреждений относились, в частности, Кавказский и Сибирские комитеты, Комитет Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского. Так, специфика Сибири подчеркивалась регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам Сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (прообразом которых выступал Сибирский приказ), в компетенцию которых входили разработка важнейших законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, и координация деятельности различных ведомств.

Длительное сохранение института генерал-губернаторства, утвердившегося в качестве промежуточного звена между губернскими учреждениями и центром, характерно было и для сибирских окраин. Генерал-губернатор как государев наместник выступал в качестве посредника между высшей и местной администрациями. При этом огромная власть генерал-губернатора в значительной степени опиралась на личное доверие монарха, была почти бесконтрольна. Генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления во

вверенном ему крае». Возглавляя высшую администрацию края, генерал-губернаторы в определенном смысле возвышались над существовавшей чиновной иерархией [см. об этом: Рабцевич, с. 32–33; Ремнев, 2001, с. 200–212; 1999, с. 99–115; Матханова, 1998; 2002].

Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство — своеобразный «административный фронт» — были довольно точно сформулированы, как отмечает историк А. В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д. Г. Анучина за 1879 г.: первоначально на вновь присоединенных территориях вводятся сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общерусским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям» [цит. по: Ремнев, 1994, с. 63]. С этой точки зрения, резюмирует А. В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Признаком фронтности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, оборонительных линий, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник; регионально-экономические системы управления) [см.: История казачества; Огурцов; Пузанов; Кауфман, с. 5–11; Пережегин].

Огромные пространства региона затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен. Очевидно, что в контексте фронтной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги ускорили также освоение Сибири и Дальнего Востока, стимулируя развитие промышленности и рост городов. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога (Транссиб), соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации

былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т. д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начался именно с транспорта — водного, а затем железнодорожного, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов [Букин и др., с. 66–73].

Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтнического по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и формирования различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. В целом же этнокультурные взаимодействия способствовали аккумуляции различных культурных традиций, их синтезу, возникновению новых оригинальных культурных импульсов, поиску резервов саморазвития культур, их внутренней переориентации, более эффективному использованию внутренних ресурсов [см.: Крих, с. 151–158; Карих, с. 153–165]. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно западноевропейского, происхождения.

Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов — *к о н г л о м е р а т н о с т ь*, т. е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата) [см.: Богатуров, Виноградов]. Множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный региональный ландшафт. Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как

вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной) как естественному модернизационному процессу, но, напротив, росту социальной асимметрии. При этом асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация в Сибири на протяжении XVIII — начала XX в. вела к возникновению современных или протомодерных экономических форм, имевших анклавную локализацию (преимущественно в западных районах — в Тобольской и Томской губерниях на рубеже XIX—XX вв. или вдоль транссибирского транспортного коридора) [см.: Голикова и др.; Букин и др., с. 66—73; Сибирь в составе Российской империи; Тимошенко], к пространственной дифференциации самой Азиатской России на узкие относительно современные зоны и периферийные территории, лишь в слабой степени испытывавшие импульсы общестрановой модернизации (к ним, в частности, можно отнести обширные тундровые и таежные северные округа, занимавшие 4/5 территории Сибири) [например, см.: Побережников, 2010, с. 114—119]. То же самое можно сказать о результатах социокультурной или административной модернизации.

Что касается северных областей Сибири, то их экономика, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII—XIX вв. носила ярко выраженный фронтальный характер, который, по мнению А. М. Саймонса, последователя автора фронтальной теории Ф. Д. Тёрнера, применительно к североамериканскому континенту может быть представлен следующим образом:

Эта вечно движущаяся пограничная полоса явилась одной из отличительных черт в развитии американского общества. Ясное понимание ее влияния разрешает многие трудные проблемы в этой истории. ...История Соединенных Штатов представляет собою описание движения могучей армии на Запад, на завоевание лесов и прерий. Эта армия имела своих разведчиков, свой авангард, своих саперов и минеров, свои оккупационные отряды. Эти различные отряды воспроизводили по очереди различные ступени общественного развития, пройденные в свое время всей расой. ...Последовательные ступени заселения Запада надвигающейся армией пионеров Америки вновь воспроизводят перед нами историю социального развития. Авангард охотников, трапперов, рыболовов, разведчиков и борцов с индейцами с замечательной точностью воспроизводит дикое состояние общества. Они жили в примитивных жилищах, выстроенных из бревен, или в землянках, добывали себе пищу и одежду охотой на зверей, группировались вокруг отдельных вождей, часто не знали никаких законов, были грубы и легко возбуждали ссоры, хотя часто обнаруживали еще более характерные черты диких — молчаливость и фаталистическую храбрость. Эти люди заходили на целые сотни миль вглубь пустыни, вдаль от всяких постоянных поселений. Они нередко дружились и жили вместе с индейцами. Таковы были французские бегуны по лесам, которые собирали меха на пространстве от Гудсонова до Мексиканского залива, исследуя реки, нанесенные на карту лишь в течение последних десятилетий. Когда эти разведчики произвели разведку местности, появился первый отряд главной завоевательной армии. Он состоял из небольших групп поселенцев, лепившихся вдоль водяных потоков и главных путей, по которым прошел авангард. <...> Люди этого периода представляли собою бродячий элемент. Едва успевали они расчистить небольшой участок в пустыне, как

снова двигались в путь, чтобы опять взяться за эту же работу, дальше на Запад. Они тоже группировались вокруг отдельных вождей, обыкновенно соединяли охоту и рыболовство с земледелием, и во всех войнах, в которые оказывались втянутыми Соединенные Штаты, кроме последней, они давали самых лучших борцов [Саймонс, с. 87–88].

Данная модель, слишком прямолинейная и гиперболизированная, все же верно схватывает преимущественно торгово-промысловый характер экономики «границы», действительно присущий и канадскому, и сибирскому фронтам, а также присутствие в процессах освоения своеобразной регенерации архаичных общественных отношений.

Тем не менее даже в периферийных регионах Сибири, к числу которых относилась, в частности, Северо-Западная Сибирь, в XIX в. в контексте общероссийской модернизации наблюдалась определенная интенсификация хозяйственно-экономического развития. Основой подобных процессов являлось заметное ускорение темпов освоения Крайнего Севера Западной Сибири. Важная тенденция данного этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на Обском Севере [см.: Миненко, с. 262–263]. В экономике районов Крайнего Севера Западной Сибири складывался многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной степени подвергалось деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала. Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду вело к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства. Посредством торговых контактов в быт аборигенного населения постепенно проникали европейская посуда, предметы домашнего обихода; произошло перевооружение охотничьего промысла, распространение получили огнестрельное оружие и усовершенствованные орудия лова. Развитие промышленного рыболовства способствовало росту мобильности обско-угорского населения, которое втягивалось в работу по найму за пределами своих волостей.

В общем, хозяйственные механизмы в XIX в. начинали обеспечивать постепенную интеграцию Крайнего Севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения. К рубежу XIX–XX вв. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственная деятельность.

Модернизационные процессы вызывали рост интереса к окраинам как к источникам разнообразных ресурсов для растущей экономики страны. В этой связи показательна заметная активизация с начала XIX в. географических исследований на севере Евразии, в частности на Обском Севере,

которые носили четко выраженный практический характер. Лейтмотивом этих исследований являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири. Географические исследования морей, омывающих северные берега Азии, позволили во второй половине XIX в. организовать торговое судоходство в Карское море [Ямал..., 2000, с. 239–243; Шиловский, 2005, с. 74–80; Манькова, с. 156–167].

Проявлением модернизации можно считать рост миссионерско-просветительской деятельности на Крайнем Севере. Вообще, начало христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири относится к началу XVIII в. Однако северных волостей данный процесс коснулся тогда поверхностно. Примерно с середины XIX в. миссионерская деятельность на Обском Севере активизируется. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. Трансформировались нормы обычного права; новыми темами и образами обогатилось искусство северных народов. Стало распространяться просвещение. Гораздо более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов: изменения в жилище, летней одежде, системе питания; внедрение покупных вещей вместо традиционных; трансформация производственных технологий.

Итак, на протяжении XIX — начала XX в. Крайний Север Западной Сибири еще оставался во власти традиции. До начала XX в. освоение данного региона так и не вышло за рамки торгово-промысловой колонизации, что обусловило низкие темпы освоения территории, зигзагообразный характер, медленность укоренения русских землепроходцев. История освоения русскими края знала периоды как поступательного развития, так и спадов. Тем не менее общестрановые модернизационные процессы сказывались на темпах и характере освоения региона, которое стало более комплексным и динамичным. К началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции Крайнего Севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической, институционально-политической и социокультурной областях.

Подводя итоги в целом, к числу особенностей развития Азиатской России на протяжении XVIII — начала XX в. следует отнести следующие: 1) фронтирность, 2) большая подвижность населения, 3) сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, 4) особая роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

- Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
- Богатуров А. Д., Виноградов А. В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транс-системной теории // Восток — Запад — Россия. М., 2002.
- Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
- Букин С. С., Исаев В. И., Тимошенко А. И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Ч. 1. Барнаул, 2006. С. 66—73.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Власть в Сибири, XVI — начало XX века* : межархивный справочник. Новосибирск, 2002.
- Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX века). М., 2000.
- Ефимов А. В.* «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений : сб. памяти в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957. С. 548—560.
- Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005.
- Ивановский В. В.* Русское государственное право. Т. 1, ч. 2 : Местные установления. Казань, 1898.
- История казачества Азиатской России.* Екатеринбург, 1995. Т. 1 : XVI — первая половина XIX века. Т. 2 : Вторая половина XIX — начало XX века.
- Карих Е. В.* Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX — начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 153—165.
- Кауфман А. О.* Артиллерия Кузнецка XVII — первой половины XVIII в. // Кузнецкая старина. Вып. 5. Новокузнецк, 2003. С. 5—11.
- Коленко В. А.* Надежды и иллюзии двух северных цивилизаций: становление русско-канадских отношений (1900—1917) // Американский ежегодник. 2000. М., 2002. С. 266—294.
- Коленко В. А.* Россия и Канада в конце XIX века // Американский ежегодник. 2005. М., 2007. С. 274—292.
- Копылов А. Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI—XVII в. // Изв. СО АН СССР. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80—88;
- Крих А. А.* Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII—XIX веков // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века : сб. материалов регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 151—158.
- Кук Р.* Граница и метрополия: опыт Канады : (XIII Междунар. конгресс ист. наук, Москва, 16—23 августа 1970 г.). М., 1970.
- Кушнер Г.* Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США : Американ. ежегод. 1992. М., 1993. С. 136—151.
- Манькова И. Л.* Печора — Обь — Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX — начало XX в.) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург ; Салехард, 2006. № 13. С. 156—167.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
- Миненко Н. А.* Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопр. истории Сибири досоветского периода : (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 262—263.

- Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
- Нольте Г.-Г.* Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века. 7 : Глобальная экономика. М., 2003.
- Огурцов А. Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990.
- Освоение Азиатской России в сравнительно-исторической перспективе // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI—XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004. С. 204—318.
- Пережогин А. А.* Военизированная система управления Кольваново-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747—1871 гг.). Барнаул, 2005.
- Побережников И. В.* Освоение Северо-Западной Сибири и канадского Севера в сравнительной перспективе (XVI — начало XX в.) // Путь на Север: веки истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение Ямала — 2006». Салехард ; Екатеринбург, 2006. С. 34—49.
- Побережников И. В.* Канадский и сибирский фронт: общее и особенное (XVI — начало XX в.) // Урал. ист. вестн. 2009. № 2 (23). С. 25—30.
- Побережников И. В.* Освоение ямальского региона в условиях российской модернизации XIX — начала XX в. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф., 17—18 ноября 2010 г. Тюмень, 2010. С. 114—119.
- Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири, конец XVI—XVII в. СПб., 2010.
- Рабцевич В. В., Ремнев А. В., Конев А. Ю.* Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII — начало XX в.) // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгресса (г. Тобольск, 25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 32—33.
- Резун Д. Я.* Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005.
- Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
- Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отеч. история. 1994. № 2.
- Ремнев А. В.* Административное единство Сибири в 19 в. // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века) : Бахрушинские чтения. 1997 г. Новосибирск, 1999. С. 99—115.
- Ремнев А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии : к проблеме организации регионального управления Российской империи // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 200—212.
- Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века. Омск, 2004.
- Саймонс А. М.* Социальные силы в американской истории. М., 1925.
- Сибирь* в составе Российской империи. М., 1997.
- Супоницкая И. М.* Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность : материалы междунар. конф., посвящ. 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21—22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134—143.
- Супоницкая И. М.* Равенство и свобода : Россия и США: сравнение систем. М., 2010.
- Тёрнер Ф. Дж.* Фронт в американской истории. М., 2009.
- Тимошенко А. И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения : ист. очерки. Новосибирск, 2007.
- Черкасов А. И.* О реке, о стране, о народе // Бестон Г. Река Св. Лаврентия. М., 1985.

- Филимонова М. А.* Периодика как исторический источник: Америка и Россия в XVIII—XX веках // Американ. ежегод. 2003. М., 2005. С. 312—313.
- Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2001.
- Фронтир* в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002.
- Фронтир* в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003.
- Шейд У. Дж.* Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования Ранней республики // Американ. ежегод. 2002. М., 2004. С. 9—31.
- Шиловский М. В.* История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX — начале XX в. // Урал. ист. вестн. № 12 (Ямальский выпуск). Екатеринбург ; Салехард, 2005. С. 74—80.
- Шиловский М. В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII — начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648—653.
- Ямал: грань веков и тысячелетий* : популяр. иллюстрир. очерк истории края с древнейших времен. Салехард ; СПб., 2000.
- Ямал — знакомый и неизвестный.* Тюмень, 1995.
- Black C. E.* The Dynamics of Modernization : a Study in Comparative History. N. Y., 1975.

Статья поступила в редакцию 05.09.2011 г.